

ARCHIVE

Роман Дубровкин

Русский журналист — корреспондент Малларме

Летом 1888 г. родоначальник совсем еще юного французского символизма Стефан Малларме получает по почте брошюру под заглавием «Литературный сон русского» («Rêve littéraire d'un Russe»), изданную 31 мая того же года. Человек благожелательный, Малларме посылает автору книги — некоему Грегуару Левенсону — сочувственный отклик (до нас, к сожалению не дошедший), в ответ на который получает письмо следующего содержания:

Paris 12 juillet 1888

Cher Monsieur

Je suis très touché de votre appréciation sur ma brochure.

J'ai reçu de nombreuses lettres très flatteuses, mais leurs auteurs n'appartiennent nullement à l'Ecole Décadente et Symboliste. Être complimenté par vous, dont le nom personnifie et honore cette école, me flatte beaucoup et me prouve de plus que vous êtes un homme impartial et juste, qualités propres aux sages, de plus en plus rares aujourd'hui, mais qui restent toujours à grand honneur même dans notre siècle de décadence.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération très distinguée.

Grégoire Lewenson

33, rue de Poissy, Paris¹

Публикуя этот текст в многотомном собрании эпистолярного наследия Малларме, комментатор издания замечает, что ему ничего не удалось выяснить об этом «персонаже»². Известно только, что в 1889 г. Левенсон выпустил у Леона Ванье (главного популяризатора «новых веяний» в современной поэзии) еще одну книгу «Вокруг политической жизни с точки зрения русского» («Autour de la vie politique, par un Russe»).

И действительно, все попытки установить личность литератора с такой фамилией, найти во французских архивных или библиотечных фондах пусть даже намек на его биографию не принесли никаких результатов. Знакомство с памфлетом «Литературный сон русского», написанным от лица обитателя села Тарабаровка Тамбовской губернии, свидетельствовало, однако, что создатель этой литературно-политической сатиры знал, с одной стороны, многочисленные реалии тогдашнего российского быта, а, с другой, все перипетии парижской литературной жизни. Герой его «сна» гулял по саду с примечательным названием «Франко-русская жизнь» («Vie franco-russe»), встречая на своем пути и автора книги «Русский роман» Эжена Мельхиора де Вогюэ, и Льва Толстого, и редактора журнальчика «Декадент» Анатоля Бажю, и прозаика Петра Боборыкина, и поэта Жана Ришпена, и редактора петербургской газеты «Новое время» А. С. Суворина, и небезызвестного Катюля Мендеса, и Н. Салтыкова-Щедрина, и романиста Поля Адана, и Виктора Буренина. Осеняло этот держав-

¹ «Париж, 12 июля 1888 г. / Милостивый государь! / Очень тронут Вашим одобрительным отзывом о моей брошюре. / Я получил много лестных писем, однако авторы их отнюдь не принадлежат к Декадентской или Символической школе. Мне было чрезвычайно приятно получить похвалу именно от Вас, ибо Ваше имя — олицетворение этой школы, ее украшение. Более того, Ваша похвала доказывает, что Вы наделены беспристрастностью и справедливостью — качествами, свойственными мудрецам. В наши дни качества эти встречаются все реже и реже, но по-прежнему делают честь любому даже в наш упадочнический век. / Примите, милостивый государь, уверения в моем совершенном почтении. / Грегуар Левенсон / Париж, улица Пуасси, д. 33» (*Mallarmé Stéphane. Correspondance. [III-XI] (1871–1898). Ed. Henri Mondor et Lloyd James Austin. Paris, 1965–1985, t. IV, p. 530.*)

² «Je n'ai pas de données sur ce personnage» (Там же).

ный союз трио «Гальперин-Каминский-Морис», соединившее имена видного переводчика русской прозы Эли (Ильи Даниловича) Гальперина-Каминского и его соавтора, критика-символиста Шарля Мориса.

Такое владение предметом не могло не навести на мысль о талантливом розыгрыше, написанном к тому же на безукоризненном французском языке и расцвеченном вкраплениями вроде «урядников», «исправников», «троиц», «панихид», «тоски» и «отчаянья».

Первым, кого мы заподозрили в авторстве памфлета, был, естественно, Э. Гальперин-Каминский, сходство которого с Г. Левенсоном усугублялось следующими обстоятельствами: оба они (Каминский по имеющимся сведениям, Левенсон по предположению) принадлежали к кругу эмигрантов из Российской империи (или, конкретней, с Украины), среди которых было много крещеных евреев; оба со всей очевидностью вращались в одних и тех же литературных кругах; оба были поборниками франко-русского альянса (относительно Левенсона это явствовало из его второй книги).

Надежда на то, что загадка разрешится сразу и столь блестяще, оказалась, увы, недолговечной: в Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), обнаружили документы, подтверждающие, что некий Григорий Левенсон действительно жил в Париже в 80-е годы XIX века и занимался там переводом на французский язык русской прозы. О его переводческих интересах свидетельствовало письмо к писателю Иерониму Ясинскому, в котором сообщалось следующее:

1888 г. Paris
27 rue des Bernardins

Милостивый Государь

Я весьма тронут знаком признательности, которым Вы меня почтили. Я очень сожалею, что не мог Вам выслать тотчас непосредственно номер «La Vie Franco-Russe», где был помещен мой перевод Вашего рассказа «Враг рода человек[еско-

го]». Я точно не знаю, где Вы живете, но мне сказали, что в Киве[.] и я Вам туда послал № Журнала через зятя моего Вас[илия] Ефим[овича] Тарасенко³. Может быть[.] не скромно будет с моей стороны сказать, что перевод[.] несмотря на свою точность с оригиналом[.] вышел таким удачным, что если бы не было слова *izvotschik*, *sacha* и т. д.[.] парижане не догадались бы, что это перевод. К сожалению[.] перевод другого Вашего рассказа «Сон» не удался, вследствие имен Приспелкин, Свистунов и т. д., очень смешных для русского уха, но невыносимых для французов. Я занялся теперь чтением Вашей повести «Бунт Ивана Ивановича». Если я найду его удобным к переводу[.] то я этим займусь осенью. В настоящее время я занят приготовлением к печати 2^й книжки рассказов покойного Вс. Гаршина и повести В. М. Буренина, которую он мне прислал⁴. Вслед за этим письмом я Вам вышлю те номера *La Vie Fr[anco]-Russe*, где был помещен мой перевод романа Тургенева «Несчастливая». Так как издание *La Vie Fr[anco]-Russe* временно приостановлено вследствие несогласия редактора с издателем, то я пока буду помещать мои переводы в другом журнале под заглав[ием] *Paris Littéraire*, который выходит два раза в месяц. Цель этого журнала — познакомить публику, в особенности вне Франции, читающую по-французски, со всеми фазисами развития французского языка. Некоторые статьи писаны на древне-французском наречии, как писал напр. Рабелэ или Монтень; другие — в стиле современного Парижского жаргона или в стиле «des décadents». Мои письма из России к издателю этого журнала и будут написаны в стиле «décadent». Я надеюсь, что некоторые книгопродавцы Петербурга не откажутся взять на себя труд распространения этого журнала в России. Тем более — так как это не спекуляция — цена номеру назначена максимум 20 коп. для России.

Примите уверение в полном моем почтении

Григорий Левенсон

³ По нашим предположениям, известный геолог, автор ряда научных работ.

⁴ Как явствует из писем Левенсона к В. Буренину (см. ниже примечание 6), писатель прислал ему для перевода свою книгу «Роман в Кисловодске».

Париж 5 мая 1888 г.

Вопрос о том, каким образом приведенное письмо попало в РГАЛИ, показался нам важным. Выяснилось, что в 1936 г. к директору Литературного музея В. Бонч-Бруевичу обратился житель города Шахты Ростовской области Л. С. Левенсон или Левензон, как он себя иногда называл в письмах, с предложением продать музею несколько автографов русских и иностранных писателей (визитные карточки Ш. Бодлера и С. Малларме, письмо Рене Гиля, письма В. Буренина), а также книги редких изданий: древнегреческие, латинские, французские, роман Леона Блуа «*Désespéré*» с автографом автора, «Историю одной матери» Г. Х. Андерсена на 22 языках, «*Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III*», выпущенную О. К. Нотовичем (с его автографом) и многие, многие другие⁵. Из писем Л. С. Левенсона вытекало, что автор их был эсперантистом, на основании чего можно с очень большой долей уверенности утверждать, что этим человеком был Лев Самуилович Левензон (род. 25 июня 1887 г.), поэт из Днепропетровска, живший некоторое время в Киеве и вскоре репрессированный. Его переписка с литературным музеем также оборвалась в начале весны 1937 г.

Из перечисленных автографов французских писателей в московском архиве удалось отыскать только одно письмо Рене Гиля, что было, однако, существенно, поскольку письмо этого было направлено объекту наших поисков — Грегуару Левенсону. Более того, здесь же обнаружили письма писателя В. П. Буренина «к неустановленному лицу с обращением: „Григорий Львович“»⁶, т. е., вне сомнения, адресованные тому же человеку, что подтверждалось их содержанием.

Важно было и то, что в письмах Буренина, датированных мартом 1888 г., вновь упоминался парижский журнал «*La Vie*

⁵ Речь идет о 22 письмах на 49 листах, полученных музеем с 31 мая 1936 по 21 февраля 1937 г. и озаглавленных в архиве: «Переписка Левенсона Л. С. с Государственным литературным музеем о продаже музею писем Буренина и Р. Гиля, визитных карточек С. Малларме и А. Пелетана» (Ф. 612. Опись 1, ед. хр. 1406).

⁶ РГАЛИ. Ф. 1024, оп. 1, ед. хр. 1.

Franco-Russe», в котором сотрудничал Левенсон, а также напечатанные в нем переводы рассказов Вс. Гаршина, выполненные, как ни странно, кем-то другим.

Если верить некоторым французским энциклопедиям, то основателем двуязычного журнала или издательской серии «La Vie Franco-Russe» (или просто «Franco-Russe») был никто иной, как Э. Гальперин-Каминский. Более того, на обложке упомянутого в письме Г. Левенсона к И. Ясинскому *второго* сборника рассказов Вс. Гаршина, вышедшего в Париже по-французски в 1889 г. с предисловием Мопассана, также значилась фамилия именно этого переводчика (в соавторстве с его женой Ниной), что, казалось бы, вновь возвращало нас, пусть отчасти, к первоначальной версии о загадочных узах, связывавших Г. Левенсона с самым знаменитым (хотя и не самым талантливым) переводчиком И. С. Тургенева, Л. Толстого, Ф. М. Достоевского и других русских классиков. В последующих исследованиях ретроспекция освоения русской прозы во Франции была описана следующим образом:

«В течение этого периода (1870—1914) начинается усиленная переводческая деятельность как французов, так и русских политических эмигрантов, благодаря которым русская литература — в ее наиболее крупных явлениях — сделалась доступной французскому читателю. Таковы: Виктор Дерели (переводчик Достоевского и Писемского), Э. Дюран-Гревиль (Тургенев, Островский), А. Легрель («Горе от ума», «Гроза» и др.), И. Д. Гальперин-Каминский (Л. Толстой, Тургенев и др.), И. Я. Павловский, Е. Семенов, Мишель Делинь (М. Ашкинази), М. Нейруд и др.»⁷.

Имени Г. Левенсона, как мы видим, в этом списке нет, как нет его и в других мемуарных книгах, из которых становится ясно, что перевод модных в конце XIX века русских романов осуществлялся, как правило, коллективно — группами лиц, состоящими чаще всего из студентов, озабоченных добыванием средств к существованию. Эти данные подтолкнули нас

⁷ П. Н. Берков. Изучение русской литературы во Франции. В кн.: Литературное наследство, т. 33—34, М., 1939, с. 746—747.

к предположению, что Григорий или Грегуар Левенсон был одним из безымянных переводчиков и, может быть, даже «литературным негром» или, на худой конец, редактором книг Э. Гальперина-Каминского.

В адресных книгах Парижа за 1890—1905 гг. мы нашли несколько упоминаний «публициста» («publiciste») и «литератора» («homme de lettres») по имени Grégoire Lewenson, печатавшегося с 1891 года под псевдонимом Liwoff. Псевдонимом Liwoff (за которым явственно просматривается русская фамилия Львов или дореволюционная форма отчества Львович) были подписаны также некоторые публикации в журнале «Paris littéraire» (упомянутом в процитированном выше письме к И. Ясинскому), а также вышедшая в издательстве «Плон» монография «Михаил Катков и его эпоха»⁸.

С 1892 по 1896 г. рядом с парижским адресом Левенсона-Ливофа (а порой и Ливофа-Левенсона) в справочниках появляется город Екатеринослав (ныне Днепропетровск — местожительство поэта-эсперантиста Льва Левенсона) и запись: «редактор газеты „Дипломатический мемориал“» («Mémorial diplomatique»).

Дополнительным источником информации неожиданно послужило авторское посвящение к книге Грегуара Ливофа о Михаиле Каткове. В этой благодарственной надписи писатель обращался к французскому послу в Санкт-Петербурге графу Гюставу Де Монтебелло как к достойному представителю дружественной союзной страны и, в частности, писал:

Excellence,

Dans une circonstance difficile de ma vie, alors que je me trouvais aux prises avec un satrape, j'ai pu apprécier la bonté de votre âme et la noblesse de votre caractère⁹.

⁸ Grégoire Liwoff. Michel Katkoff et son époque. Paris, 1897.

⁹ «Ваше Превосходительство, / В тяжелые для меня период жизни, когда я вступил в схватку с сатрапом, я имел возможность оценить доброту Вашей души и благородство Вашего характера».

Ссылка на столкновение с властями естественным образом привела нас к богатейшей литературе о деятелях российского революционного движения, среди которых фигурировал, в частности, Григорий Григорьевич Левенсон, проходивший соучастником по делу о покушении на шефа жандармов Н. С. Дрентельна. Однако, несмотря на некоторые черты сходства (образованность, отъезд за границу и т. п.), несоответствий между двумя личностями обнаружилось больше, что вынудило нас «забраковать» и этого кандидата¹⁰. Поиски в среде борцов с царским режимом оказались, тем не менее, отнюдь не безрезультатными. Архивные материалы показали, что задолго до нас личность парижанина Грегуара Левенсона привлекла внимание агентов царской охраны, осуществлявших за границей слежку за подданными Российской империи. 29 октября 1901 г. начальник жандармского управления запрашивал у директора департамента полиции подполковника Преферанского:

Милостивый государь, Сергей Эрастович!

Позволяю себе покорнейше просить Ваше Превосходительство, не найдете ли возможным доставить мне сведения о личности Григория Львовича Левенсона, проживающего в Париже и принимающего участие в нескольких повременных изданиях под псевдонимом «Grégoire Livov» По имеющимся у меня данным Левенсон уроженец г. Екатеринослава и выдает себя за бывшего студента Киевского университета¹¹.

Ни в Киевском университете, ни в жандармском управлении сведений о запрашиваемом лице не оказалось. Для нас, однако, стало очевидным, что мы наконец имеем дело с нашим подлинным героем. В Государственном архиве Россий-

¹⁰ В списке русских зарубежных захоронений есть запись о человеке с такой фамилией и именем: «Левенсон Григорий Григорьевич. 12 декабря 1858 года — 27 декабря 1908 года. Берлин. Братское кладбище» (Чернопатов В. И. Русский некрополь за границей. 1908—1909, Спб., 1911). Не исключено, что речь идет именно об этом человеке.

¹¹ Здесь и далее: ГАРФ. Ф. Д-3. Оп.1901. Д. 1425.

ской Федерации, в котором был найден процитированный документ, сохранилось «Дело департамента полиции. 3-е дело-производство» на 10 листах, за номером 1425, начатое 30 октября 1901 года и оконченное 15 ноября того же года. Дело носило подзаголовок «о французском гражданине Григории Льво-ве Левенсоне».

В имеющейся в этом деле секретной телеграмме, отправленной из Парижа 5 ноября агентом охраны П. И. Рачковским, сообщалось:

Григорий Левенсон родом из Екатеринослава, 45 лет, проживает ул. Деларкад, принял французское гражданство в 1891 г.; в смысле политической благонадежности сведений о нем не имеется.

Гирш Лейбов Левенсон, сын Екатеринославского купца родился 26 марта 1857 г., имеет мать — вдову Цилу Абрамовну домовладелицу Екатеринославскую, сестер: Машку, Фейгу и Анну; воспитывался дома, держал в 1877 г. при местной гимназии экзамен зрелости, не выдержал по греческому языку, учителя которого тут же ударил. [По] приговору Одесской судебной палаты лишен некоторых прав и преимуществ, отбыл год [в] тюрьме, принял православие в 1890 г. и получил имя Григория Львовича, выбыл тогда же за границу [по] паспорту 6 сентября № 292¹², уволен из подданства 1891, политически не запятнан.

Приведенные данные послужили нам отправной точкой для воссоздания парижской биографии Грегуара Левенсона, человека явно неординарного и, как мы увидим ниже, активного участника нарождающегося символистского движения. В другом месте мы уже писали, что проникновение «новых веяний» во французскую поэзию было в 80-ые гг. XIX века самым тесным образом связано с популяризацией русской прозы¹³. По этой причине мы намеренно приводим в данной ста-

¹² В свете информации, изложенной ниже, столь поздняя дата представляется нам ошибочной.

¹³ Роман Дубровкин. Стефан Малларме и Россия. Берн. 1998, с. 19—21.

тье мельчайшие подробности общения Г. Левенсона с парижскими декадентами, поскольку распространенные сведения об этом периоде — об эпохе так называемых «маленьких журнальчиков» — нередко грешат неточностями и слабо документированы.

Итак, не позднее января 1888 г. тридцатилетний Григорий Левенсон приезжает во французскую столицу, судя по всему, из Германии¹⁴ и практически сразу начинает сотрудничать в еженедельном иллюстрированном журнале «*La Vie franco-russe*», основанном, по-видимому, Люсьеном Клотцем (Lucien Klotz), будущим министром финансов. Работая в журнале, Левенсон входит в контакт с группой молодых писателей и художников: прежде всего с младшим другом П. Верлена, карикатуристом и шансонье Фредериком-Огюстом Казальсом, а также с будущим романистом Полем Аданом. Как распределялись роли в журнале, явствует из его выходных данных: «Директора-распорядители: Ж. Каттаюи и Л.-Л. Клотц. Секретарь редакции: Поль Адан. Управляющий: Казальс»¹⁵. Начиная со второго номера, вышедшего в субботу 25 февраля 1888 г., главным редактором журнала становится Жеан Судан (Jehan Soudan). В состав редакции входили также Жорж Ориоль (Georges Auriol) и Жан Ажалбер (Jean Ajalbert). Ф.-О. Казальсу посвящена первая книга Левенсона «Литературный сон русского», в которой присутствуют практически все названные лица. Короткое вступление к книге также принадлежит Казальсу, отметившему, что данная публикация является «пер-

¹⁴ См.: *Autour de la vie politique, par un Russe*, p. 36. Описывая события 1882—83 гг., Левенсон пишет, что знал в это время Францию только по газетам.

¹⁵ Камилл Моклер утверждал, что основателем журнала был именно Поль Адан (Camille Mauclair. *Paul Adam, 1862—1920*, P., 1921, p. 20). Гюстав Кан описывал эти события следующим образом: «Разве Поль Адан не исполнял на должном уровне (...) обязанности секретаря редакции „Франко-русской жизни“, политико-светского еженедельника, основанного будущим министром Клотцем в качестве шага к четкому установлению франко-русского альянса?» («*Paul Adam n'avait-il point /.../ tenu avec distinction le secrétariat de la rédaction de la Vie franco-russe hebdomadaire politique et mondain, fondé par M. Klotz, le futur ministre, pour collaborer au net établissement de l'alliance franco-russe?*» (Le journal littéraire, 1925, No. 57, 23 mai, p. 2).

вым камнем в здании», именуемом «Библиотека литературного Парижа» («Paris-Littéraire»).

О первом номере «La Vie franco-russe» писал в мартовском номере «Revue indépendante» Феликс Фенеон (Félix Féneon):

Nouveaux périodiques

Le premier numéro de la *Vie franco-russe*, 11, rue Boudreau, s'émit, le 18 février, par un temps de neige. M. Jehan Soudan, le rédacteur en chef, qui devait troquer son nom contre celui d'Ivan Kamtschatka, y rédige un vif premier-Paris dont les personnages sont chaussés de bottes en cuir jaune à pointes recourbées ; M. Paul Adam, secrétaire de la rédaction, dénombre en termes fleuris la colonie russe de Paris et de Nice : M. Jean Ajalbert chansonne drôlement le prince de Bismarck. MM. Georges Auriol, Willette, etc. diaprent de dessins coloriés les seize pages de ce journal hebdomadaire.

(18 февраля, в снежную погоду, в доме №. 11 по улице Будро, выпущен первый номер «Французско-русской жизни». Главный редактор Жеан Судан, вероятно, выменявший на это прозвище свое подлинное имя Иван Камчатка, представляет нам бодрую парижскую премьеру, персонажи которой обуты в сапоги желтой кожи с загнутыми носами. Секретарь редакции Поль Адан перечисляет в цветистых выражениях представителей русской колонии Парижа и Ниццы. Жан Альжабер высмеивает в забавной песенке князя Бисмарка; Жорж Ориоль, Вилетт и проч. украшают разноцветными иллюстрациями 16 страниц еженедельного журнала).

«La jeune France», приветствуя новый орган, сообщала следующее:

Bonne chance à la jolie publication dirigée par Jehan Soudan, décidément très russe. Willette, Auriol, dessinateur; Paul Adam et

Ajalbert, principaux rédacteurs, feront de *La vie franco-russe* une intéressante et élégante publication¹⁶.

(Желаем удачи прекрасному на вид начинанию, руководимому Жеаном Суданом, безусловно, очень русским человеком. Иллюстраторы Вилетт и Ориоль вместе с ведущими авторами Полем Аданом и Ажалбером сделают из «Французско-русской жизни» интересное и элегантное издание).

Подобно большинству периодических органов эпохи, журнал «*La Vie franco-russe*» просуществовал всего несколько месяцев — с февраля по апрель 1888 г. — и был затем закрыт после выхода 11 номеров. На его страницах не только описывалась светская жизнь русской аристократической колонии, как иронизировал Феликс Фенеон, но и печатались статьи литературного критика Эдмона Лепелетье и очерки музыковеда Жоржа Ванора. Немаловажную роль в журнале играли материалы, освещающие русскую литературу, и переводы русской прозы, в том числе подписанные Г. Левенсоном: упомянутый выше рассказ И. Ясинского (печатавшегося под псевдонимом Максим Белинский) «Враг рода человеческого»¹⁷ и повесть И. С. Тургенева «Несчастливая»¹⁸. Переводы эти, неучтенные ни в одной библиографии, были выполнены совместно с А. Ренюсси, другом Верлена, автором книги о месте религии в искусстве¹⁹. Ренюсси посвящена вторая книга Левенсона «Вокруг политической жизни с точки зрения русского».

В целях популяризации памфлета «Литературный сон русского» Левенсон рассылает экземпляры книги видным французским литераторам — Людовику Галеви, Леону Дьерксу, Морису Барресу, Жозефену Пелладану, Стефану Маллар-

¹⁶ 1888, février, No. 114, p. 374.

¹⁷ Max Belinski. *L'ennemi du genre humain*. Traduit par Grégoire Lewenson et A. Renucci. *La vie franco-russe*. No. 6, Samedi, 24 mars, 1888, p. 117–119.

¹⁸ Ivan Tourguéneff. *La Malheureuse*. Traduit par Grégoire Lewenson et A. Renucci. *La vie franco-russe*. No. 8–11, Samedi, 7, 14, 21 et 28 avril 1888. P. 152–156, 168–172, 197–199, 206–211. Публикация повести осталась незавершенной, поскольку журнал прекратил свое существование.

¹⁹ *L' influence de la religion dans l'art*, Paris, Bloud et Cie, 1908.

ме, а из молодых — родоначальнику так называемой «научной поэзии» Рене Гилю. Последний благодарит его в письме от 5 июня 1888 г., купленном впоследствии московским Литературным музеем у Льва Левензона. Приводим текст этого письма, вдвойне интересного для нас в связи с личностью писавшего. Русский читатель, имеющий представление о влиянии Рене Гиля на журнальную деятельность и поэтические увлечения Валерия Брюсова, оценит изложенные в нем откровения. Тот факт, что *французский* поэт старается привлечь на свою сторону иностранца и выражает солидарность с его позицией, еще раз подтверждает наше предположение о том, что Г. Левенсон был отнюдь не случайным гостем в парижских редакциях.

Paris, 5 Juin, 88

Monsieur,

Je vous remercie de l'envoi de votre « Rêve littéraire », et du plaisir trouvé à cet alerte pamphlet souriant, amusant de pastiches très réussis.

Vous me l'adressez, sans doute, pour mon nom mêlé à ce chaos décadent. Quand je débutais, voici trois ans, inconnu et non encore sûr de moi, je m'aventurai, en effet, en ce mouvement commençant, et j'y crus voir un désir fier et grave d'art nouveau et progressif : je prônais fort, alors, M. Mallarmé.

A mesure que mon rêve mûrit, mes illusions tombèrent ; et quand, voici un an, je montrai avérée par la science expérimentale ma manière d'art, l'Instrumentation poétique, et dès les premiers mots de ma méthode, une Philosophie évolutive édifiée sur le Transformisme, je dus faire entendre courtoisement que je me séparais, avec les quelques amis qui crurent en moi et qui m'aident.

Dès lors ! l'on manqua pour moi de courtoisie. M. Mallarmé également : je sais maintenant que leur art, à tous, n'est que le passé parnassien subtilisé par le truc de se montrer rareté : je sais aussi, à les voir ricanants et méchants contre le désireux de nouveau logique et expérimental (ce que demande Demain, de la Poésie comme d'autre chose, car la rêverie sensationnelle et sentimentale

est passée, pour la Pensée), contre le marcheur d'avant sans concessions de personnes ou d'idées, que je suis. Je suis content. —

C'est vous dire, Monsieur, que je m'associe à votre rire cinglant ces enfonceurs de porte ouverte en tant qu'inventeurs du Symbole, ces allongeurs ou rétrécisseurs du vers alexandrin sous prétexte de rythme et de musique, leurs pauvres idées philosophiques et sociales pillées en ces pauvres philosophes allemands de l'Idée pure ! ces Décadents, oui.

En vous félicitant, aussi, de taper aussi dur et fin sur le poncif et l'officiel : tant la mystification académique et déliquescente, vous doit de la haine... Soyez content.

Je me suis laissé aller à causer avec vous, Monsieur : pardonnez, n'est-ce pas ?

et, avec mon merci encore, agréez mes meilleures salutations,

René Ghil²⁰

²⁰ Печатается по оригиналу (РГАЛИ, Ф. 1347. Собрание автографов. Оп. 1, ед. хр. 97, л. 1, 1об., 2, 2об. Письма Р. Гиля к неустановленным лицам). «Париж, 5 июня 88 года / Сударь! / Благодарю Вас за присланный мне экземпляр „Литературного сна“, живого, веселого памфлета, в котором я с удовольствием обнаружил забавные и, по-моему, удачные пародии. / Вы, безусловно, прислали мне его, поскольку мое имя было замешено в декадентском хаосе. Когда три года назад я дебютировал, никому не известный и еще в себе не уверенный, я действительно ввязался в это зарождающееся движение, полагая найти в нем гордое, строгое стремление к новому прогрессивному искусству: в то время я энергично восхвалял Малларме. / По мере становления моей мечты исчезали мои иллюзии; и когда год назад я начал демонстрировать самостоятельную творческую манеру, выявленную экспериментальной наукой, Поэтической Инструментовкой, и с первого же слова моей методы эволютивную Философию, построенную на Трансформизме, мне пришлось услышать учтивую просьбу уйти, что я и сделал с группой друзей, которые верят в меня и которые мне помогают. / С тех пор учтивость по отношению ко мне иссякла. Неучтив стал и г-н Малларме. Теперь я знаю, что их искусство — это не более чем парнасское прошлое, завуалированное фокуснической личиной неизбитости. Я знаю это, когда вижу их зубоскальство и злость против того, кто ищет новой логики и экспериментирует (ведь именно этого требует Будущее, не только в Поэзии, но и во всем, поскольку в области Мышления чувственные и сентиментальные мечтания ушли в прошлое), против того, кто идет вперед, не допуская компромиссов в отношении идей и людей, против того, кем я являюсь. Что ж, я доволен. / Говоря это, я присоединяюсь

Развивая сатирическую тему своей книги «Литературный сон русского», Левенсон, не жалея желчи в адрес символиста-отступника, публикует процитированное письмо во втором (и последнем) номере журнала «Paris littéraire», где, под псевдонимом Ливоф, он служит директором, бок о бок с «редактором-основателем» Ф.-О. Казальсом. Секретарем редакции вновь числится А. Ренюсси. Здесь же выходит в свет рассказ Поля Верлена «Мальчишки» («Gosses»), о первой публикации которого у исследователей до сих пор имеются сомнения²¹. Здесь печатаются Гюстав Кан, Франсис Вьеле-Гриффен, Поль Адан (если называть только самых известных).

В качестве приложения к «Paris littéraire» Левенсон выпускает публицистическую брошюру «Вокруг политической жизни с точки зрения русского» (1889), написанную в виде письма в редакцию, отправленного из города «на берегу Днепра», куда он неожиданно вызван по неотложным делам. Содержание этого нарочито злого памфлета, трактующего широкий спектр проблем от антисемитизма до франко-русского альянса, свидетельствует о близком знакомстве Левенсона с текущими политическими событиями во Франции, России, Германии и Польше, а также обнаруживает его серьезные познания в области литературы, истории, философии и религии этих стран.

к Вашим хлестким насмешкам над изобретателями Символа, ломящимися в открытые двери, над этими расширителями и укорачивателями александрийского стиха под предлогом заботы о ритме и музыкальности, над их бедными философско-социальными идеями, украденными у бедных немецких философов, сторонников чистой Идеи. Ох уж эти Декаденты. / Поздравляю Вас и с тем, с какой твердостью и тонкостью Вы ударили по шаблонности и официозу. Как должны Вас ненавидеть теперь академические, вырождающиеся очковитатели. Будьте довольны! / Я дал себе волю в разговоре с Вами. Вы меня простите, не правда ли? Еще раз спасибо. С наилучшими пожеланиями. / Рене Гиль».

²¹ См.: Paul Verlaine. Oeuvre en prose complètes. P., 1993 (Bibliothèque de la Pléiade), p. 1219, Ср. также недатированное письмо Верлена к Казальсу за 1888 г. с надписью на конверте, сделанной рукой Верлена: «M. A.-F. Cazals, aux bons soins de M. G. Livoff. Dr. du PARIS-LITTERAIRE, 33, rue de Poissy, E. V. », а в левом верхнем углу его же рукой: «Urgent. P. V.» (Цит. по кн.: Georges Zayed. Lettres inédites de Verlaine à Cazals. Genève, 1957, p. 88).

В 1890 г. Левенсон в качестве берлинского корреспондента газеты «Новое время» берет интервью у канцлера Германии Бисмарка²². В том же году публикует переводы двух рассказов Гаршина — «Денщик и офицер»²³ и «Сказка о жабе и розе».²⁴ 2 марта 1891 г. принимает французское подданство²⁵ и приблизительно в это же время становится редактором еженедельной субботней, а затем воскресной газеты «Дипломатический мемориал» («Le mémorial diplomatique. Journal international, politique, littéraire et financier»), в которой публикует, в частности, перевод еще одного рассказа Гаршина «Медведи»²⁶, а также ряд публицистических материалов — обширную статью о положении в Африке²⁷, исследование об усилении франко-русского альянса²⁸, анализ федерального устройства Германии²⁹ и другие материалы. Поводом к публикациям в большинстве случаев служит появление в печати той или иной исторической книги, от которой Левенсон отталкивался в своих исследованиях.

В 1896 г. «Дипломатический мемориал» помещает на своих страницах фрагмент будущей книги Левенсона «Миха-

²² Le Temps, 1890, 20 mai, p. 2, colonne 3.

²³ Officier et Brosseur. — Ermitage, 1890, No. 2 (mai), p. 72—77 et 3 (juin), p. 105—113. Впервые — в Paris littéraire, 1888, No. 2, juin.

²⁴ Le Craud et la Rose. Conte russe. — Journal des Instituteurs, 1890, No. 36, 7 septembre, p. 567—569.

²⁵ Сведения, полученные из архива Гуверовского Института (Hoover Institution on War Revolution and Peace, University of Stanford, USA).

²⁶ Wsewolod Garschine. Les Ours. Traduit du russe par Grégoire Liwoff. — Le mémorial diplomatique, 1894, No. 2, 13 janvier, No. 3, 20 janvier, No. 4, 27 janvier, No. 6, 10 février.

²⁷ L'Afrique à propos d'un livre récent (1894, No. 30, 28 juillet, No. 31, 4 août, No. 39, 29 septembre, No. 40, 6 octobre). Поводом к написанию статьи явилось брюссельское издание английского перевода книги А. Silva-White. Le Développement de l'Afrique.

²⁸ A propos des récentes « interviews » concernant l'alliance franco-russe. De notre correspondant particulier. 1895, 18 août.

²⁹ L'Allemagne et le fédéralisme. 1896, No. 27, 6 juillet, No. 28, 13 juillet, No. 30, 26 juillet. Рецензия на книгу: М. Le Fur. Etat fédéral et confédération d'Etats, Paris, 1896.

ил Катков и его эпоха». Публикацию предваряет следующее примечание редакции:

«Notre excellent collaborateur et ami, M. Grégoire Li-
woff, dont les lecteurs du *Mémorial diplomatique* ont souvent
apprécié les travaux toujours documentés, sur certaines
questions internationales, publiée à la librairie Plon, Nourrie
et Cie, un volume remarquable sur le grand publiciste russe
Michel Katkoff.

Nous sommes heureux de pouvoir donner ici, avant son
apparition, quelques bonnes feuilles de cet important ou-
vrage»³⁰.

Названные качества действительно присутствовали в мо-
нографии Левенсона, написанной по всем канонам современ-
ной науки — с обширными цитатами, сносками и отступле-
ниями общего характера. Надо сказать, что некоторые позд-
нейшие исследователи не согласились с мнением об инфор-
мированности автора, причислив его к историкам-«мифо-
творцам»³¹. Но это случилось значительно позже: по выходе
книги французская пресса откликнулась на нее самыми поло-
жительными отзывами³².

Что произошло с Левенсоном в последующие годы, обо-
рачивается новой загадкой. В 1903 г., продолжая переезжать
с квартиры на квартиру, он лишь однажды появляется в печа-
ти, повторно опубликовав вместе с Ренюсси перевод из
И. Ясинского³³. Два года спустя запись о нем окончательно ис-
чезает из адресных книг Парижа. Не исключено, что увлечен-

³⁰ «Наш блестящий сотрудник и друг Грегуар Ливоф, тщательно доку-
ментированные работы которого по международным вопросам неизменно
получали высокую оценку читателей „Дипломатического мемориала“,
публикует в книгоиздательстве „Плон, Нурри и К°“ замечательный том
о великом русском публицисте Михаиле Каткове. Накануне издания книги
мы счастливы поместить в нашей газете несколько прекрасных страниц
этого значительного труда» (*Mémorial diplomatique*. Note de la rédaction.
1896, dimanche, 29 novembre, p. 762).

³¹ Из диссертации Joseph Backer. «M. N. Katkov. Introduction to his Life
and his Russian National Program. 1818—1870» (1966), pp. 151—152, 375.

³² См., в частности: *Le Temps*, 1897, 1er juin, p. 3, colonne 4.

ный вихрем первой русской революции, Григорий Левенсон, подобно многим своим соотечественникам-эмигрантам, вернулся на родину. Так или иначе, имя его, вероятно, никогда не было бы воскрешено из небытия, не подари он однажды своей тонкой, в 24 страницы, брошюры Стефану Малларме.

³³ Max Belinski. *L'ennemi du genre humain*. — *Almanach prophétique, pittoresque et utile pour 1903*. Paris, 1902.